

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

© **Цырендоржиева Дари Шойбоновна**

доктор философских наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dari145@mail.ru

© **Корягин Валентин Викторович**

соискатель кафедры философии,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: koryagin.v.v@mail.ru

В статье проводится анализ информационной реальности как фактора, определяющего развитие современного общества, «западного», «индивидуалистического». Выявляется существование взаимосвязи между типами реальности (физической, биологической, технико-экологической, социальной, духовной, информационной). Изучаются теоретико-методологические основы работы. Раскрывается зависимость развития социальной реальности как сферы существования человека и общества от информационной реальности как сферы существования информации и информационных процессов. Проводится анализ основных направлений в понимании информационной реальности, сформированных в современной науке, во многом опирающейся на метафизические принципы (агностицизм, антропоцентризм, плюрализм). Выявляются особенности концепций информационной реальности, свойственные современному западному обществу, раскрываются их сильные и слабые стороны, закономерности развития, делается вывод о влиянии на развитие современного человека и облик цивилизации.

Ключевые слова: информационная реальность, социальная реальность, виртуальная реальность, индивидуалистическое общество, метафизическая исследовательская традиция, реализм, номинализм, информационные войны, информационный терроризм, симулякры, симуляции, отчуждение человека, деградация общества, конструирование информационной реальности.

В философии понятие «реальность» может рассматриваться как одно из проявлений феномена бытия. Профессор, специалист в области информатики и теории социальных коммуникаций А. В. Соколов дает следующее определение: «Реальность — бесконечное множество однородных, но не тождественных элементов, движущихся в своеобразном, собственном хронотопе (времени и пространстве)» [1].

В настоящее время помимо физической реальности исследователи выделяют также биологическую реальность, которая в философском плане характеризуется как биологическая форма движения материи; технико-экологическую реальность как сферу существования искусственно созданных объектов; социальную реальность как сферу бытия человека и общества; субъективную реальность как содержание психических процессов; духовную реальность, представленную рели-

гией, искусством, наукой, нормами морали и др.; информационную реальность как сферу существования информации и информационных процессов.

Исследуя взаимосвязь типов реальности, А. В. Соколов делает вывод, что физическая реальность предшествовала всем остальным типам реальности и послужила *первопричиной* и *необходимым условием* возникновения их элементов, начиная с биологических организмов и кончая техносферой. То же можно сказать относительно биологической, социальной и духовной реальностей. Человек биологический предшествует социальному индивиду, социальная жизнь порождает социальную духовность, а техносфера не мыслима вне научно-технического сознания. Последующая реальность становится могучим внешним фактором, воздействующим на породившие ее реальности [1].

Одной из последних исследователями была выделена информационная реальность, которая по обозначенной логике способна оказывать влияние на все остальные виды реальности как на предшествующие, и прежде всего на социальную реальность. Данную точку зрения можно найти, например, в работах футуролога О. Тоффлера, согласно которому прогресс человечества можно представить в виде сменяющих друг друга периодов аграрного общества, индустриальной цивилизации и постиндустриальной цивилизации. При этом постиндустриальная цивилизация характеризуется преобразованием социальной реальности в информационную [2, с. 6].

В качестве субстанции информационной реальности выступает информация, природа которой раскрывается исследователями неоднозначно. В современной науке существуют следующие основные теории и концепции информации: синтаксическая теория информации (Р. Хартли, К. Шеннон), концепция информации как разнообразия (У. Р. Эшби), семантическая теория информации (Р. Карнап — Бар Хиллел), прагматическая теория информации (А. А. Харкевич, Г. Франк, М. М. Бонгард), функциональная концепция (Д. И. Дубровский), атрибутивная концепция (А. Д. Урсул), алгоритмический и комбинаторный подходы к пониманию информации (А. Н. Колмогоров), идеалистические теории информации (М. Полани, П. Киршенман, Е. Порфирьев, Х. Дам, К. Вейцзекер) и другие.

В вопросе изучения понятия «информационная реальность» также нет единства мнений среди исследователей.

1. Наиболее распространенными выступают представления о техногенной информационной реальности. Данное направление получило развитие в 80–90-е гг. XX в. как результат совершенствования компьютерной техники и информационных технологий. На рубеже XX–XXI вв. в этом направлении получили распространение взгляды на информационную реальность как реальность искусственных виртуальных миров (работы К. В. Ветрова, Е. В. Грязновой, А. Б. Денисова, С. А. Дружилова, Д. В. Иванова, Э. Ю. Калинина, В. А. Кутырева, В. М. Розина, В. Г. Сеньюшина, Е. В. Тюгаева, Ю. В. Черновицкой и др.).

2. Ряд исследователей раскрывает информационную реальность как искусственно созданную, виртуальную реальность средств массовой информации (работы Г. Веймана, Н. Л. Волконского, В. П. Гиренко, В. П. Емельянова, А. Исакова, А. Кота, А. Н. Кулибабы, В. А. Кульбы, А. А. Мухина, Д. В. Носова, И. Н. Панарина, Г. Г. Почепцова, Е. Е. Рыбакова, У. Тафойи и др.).

3. Менее представлены идеалистические концепции информации и информационной реальности (работы У. Л. Брэдли, К. Вейцеккера, Р. Генжа, Э. В. Евреинова, Ч. Б. Тэкстона, И. И. Юзвизина и др.).

4. Одновременно шло развитие теории информационной реальности в отечественной диалектической философии (работы Н. М. Чуринова, Н. А. Князева, Д. Е. Григоренко, Н. А. Сигиды, Л. Н. Черноусовой и др.). Информационная реальность в соответствии с диалектикой была раскрыта системностью, организованностью, упорядоченностью, сложностью, противоречивостью Мира, с присутствующими им функциями, качествами, атрибутами, количественной и качественной определенностью и пр., как формами и результатами реализации антиэнтропийных процессов.

В вопросе методологии исследования информационной реальности нужно отметить, что проводимые на протяжении XX в. исследования философских проблем сущности и существования науки (Д. Блур, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Н. А. Князев, Т. Кун, Е. А. Мамчур, И. А. Майзель, Т. В. Мельникова, А. А. Корниенко, К. Поппер, В. М. Свидерский, Н. М. Чуринов, С. Шейпин и др.) свидетельствуют о необходимости различения двух основных исследовательских традиций: диалектической и метафизической. Данные исследовательские традиции по-разному раскрывают содержание мира и выступают в качестве философских оснований развития соответствующих типов общества.

Исследователи Н. М. Чуринов, Н. А. Князев, А. В. Лонин и др. приходят к выводу, что в обществе, в центре внимания которого исторически оказываются права и свободы человека, получил развитие сущностный исследовательский подход, опирающийся на метафизику. Данный тип общества исследователи часто называют «западным», «индивидуалистическим». В свою очередь в обществе, в центре внимания которого исторически оказывается необходимость совершенствования общественных отношений, получил развитие диалектический сущностный исследовательский подход. Само общество при этом получило название «коллективистское», «русское» [3].

В настоящей статье проведем анализ теорий информационной реальности, свойственных западной науке и обществу. (Теории информационной реальности, сформулированной в соответствии с диалектикой, посвятим отдельное исследование.)

Метафизическая исследовательская традиция развивалась со времен софистов и юристов древности (Протагора, Гиппия, Горгия и др.). В это время были заложены ее основы в виде принципов агностицизма и антропоцентризма, а также формальной логики как методологии. В дальнейшем (в Новое и Новейшее время через средневековую философию и философию Возрождения) данная традиция оформилась в два основных направления: реализм и номинализм. Реализм предполагает первичность идеального, в то время как материальное выступает вторичным и только восполняет идеальное. Видными сторонниками реализма были Р. Декарт, Дж. Беркли, В. Лейбниц, Б. Спиноза, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. В. Й. Шеллинг, Л. А. Фейербах и др. Номинализм, в свою очередь, развивался как альтернатива реализму. В работах номиналистов (Эпикура, Демокрита, Ф. Бэкона, Дж. Локка, Т. Гоббса, Г. Галилея, И. Ньютона и др.) мир предстал не-

познаваемыми материальными сущностями, формами, в которые можно вкладывать произвольное содержание.

В настоящее время исследования А. Н. Уайтхеда, Р. Фон Мизеса, А. Тарского, А. Ракитова, А. А. Ляпунова, М. В. Поповича, Ю. Л. Ершова, В. Н. Садовского, Е. А. Палютина, С. А. Толкачева и др. свидетельствуют, что в современной науке широко представлены, с одной стороны, неореалистские дедуктивные (доказательные) теории, опирающиеся на метод алгоритмов, аксиоматический метод, формальные языки и пр., с другой — неономиналистские индуктивные (описательные) теории, часто опирающиеся на аппарат математической статистики и теории вероятностей. Таким образом, современная наука во многом существует как продолжение метафизических традиций реализма и номинализма. Целью же ее существования является максимальная реализация прав и свобод человека, развитие определенного типа общества. Соответственно, укоренившиеся метафизические принципы и методы познания могут сегодня во многом определять представления исследователей об информационной реальности.

Работы авторов классической синтаксической теории информации Р. Фишера, Х. Найквиста, К. Шеннона, Р. Хартли и их последователей привели к бурному развитию процессов обработки и передачи сообщений по каналам связи, совершенствованию методов кодирования сообщений, появлению языков программирования, вычислительной техники и прежде всего компьютеров. Изменение уровня материального производства не могло не сказаться на социальных процессах. Так, философ Н. В. Попкова отмечает: «Основанная на микропроцессорной технологии компьютерная техника сначала разрабатывалась для управления сложными технологическими процессами, находящимися (по объему информации или скорости протекания) за рамками непосредственной человеческой мысли, а затем вошла во все сферы производства, управления, быта и досуга. Их перестройку, начавшуюся в конце XX в., часто называют *компьютерной революцией*, чтобы подчеркнуть ее влияние на все социокультурные процессы» [4, с. 20].

Развитие информационных технологий, рост объемов передачи и обработки информации, широкое внедрение компьютеров в жизнь человека позволили исследователям выйти на новый уровень представлений об информации — как об информационной реальности в качестве сложной динамической системы, которая включает науки, изучающие информацию (кибернетика, семиотика, искусственный интеллект и др.), отрасли, использующие информацию (радиоэлектроника, телевидение, образование и др.), средства производства, передачи и хранения информации, потребителей информации, сеть научно-исследовательских, учебных, административных и других организаций и социальных институтов, содействующих использованию информационных ресурсов. Информационная реальность в этом случае отождествляется с информационным обществом, основанном на машинной информации. Как можно заметить, информационная реальность в этом случае во многом раскрывается в соответствии с метафизической исследовательской традицией номинализма, свойственной науке и философии со времен творчества исследователей Нового времени, отводивших первостепенное значение развитию техники, технологий и покорению природы.

С понятием информационной реальности исследователи (К. В. Ветров, Е. В. Грязнова, А. Б. Денисов, С. А. Дружилов, Д. В. Иванов, Э. Ю. Калинин, В. А. Кутырев, В. Г. Сенюшин, Е. В. Тюгаев, Ю. В. Черновицкая и др.) также связывают понятие виртуальной реальности. Отождествлению учеными виртуальной реальности с информационной реальностью послужило, с одной стороны, дальнейшее совершенствование информационных технологий, с другой — развитие средств массовой информации (СМИ). В обоих случаях человек оказывается в искусственном мире, созданном либо техническими компьютерными средствами, либо информационными сообщениями СМИ.

Первоначально термин «virtus» употреблялся в Древней Греции как этическая категория и обозначал следующее: «1) мужественность, мужество; энергия, сила; доблесть; 2) доблестные дела, героические подвиги; 3) превосходное качество, отличные качества; талант, дарование; 4) добродетель, нравственное совершенство, нравственная порядочность, душевное благородство» [5, с. 174]. Однако в XX веке понятие «виртуальный» стало употребляться для обозначения мнимых ненаблюдаемых объектов [6, с. 34–66]. Так, виртуальными в физике и химии называют способы умозрительного моделирования недоступных для наблюдения микромиров, например, микромира виртуальных частиц. Аналогичное представление о виртуальности как о мнимости, ненаблюдаемости явлений сегодня распространено и в гуманитарном знании (А. Арто, А. Бергсон, Э. Гусерль, Ж. Делез и др.).

Исследуя вопросы виртуализации общества, Д. В. Иванов отмечает, что важным оказывается тот факт, что приоритетным в последние годы XX в. стало развитие не информационных, а симуляционных технологий. В результате наращивания оперативной памяти и быстродействия компьютеров, а также создания нового программного обеспечения возникают не только качественно новые формы передачи и обработки данных, но в первую очередь достигается все большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве-времени... Происходит замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями. Этот социальный аспект развития компьютерных технологий явно превалирует над техническим аспектом [7, с. 13–14].

Аналогичную точку зрения мы встречаем в исследованиях зарубежных авторов. Так, по мысли автора теории «виртуального общества» А. Бюля, с развитием технологий виртуальной реальности компьютеры из вычислительных машин превратились в машины по производству «зеркальных» миров. С их помощью начался процесс замещения реального пространства виртуальным. Этот процесс исследователь называет «виртуализацией» [8].

В связи с замещением реальности ее симуляцией в научном обороте появилась также термин симулякра (работы Ж. Бодрийяра, Ж. Батая, Ж. Делеза, П. Клоссовского, А. В. Кожевникова и др.). Так, Ж. Бодрийяр в книге «Симулякры и симуляция» отмечает: «Абстракция сегодня — это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция — это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она — порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Речь идет уже ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального

знаками реального..» [9]. Исследуя симулякры и симуляции, Ж. Бодрийёр раскрывает их проявление во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, культурной.

Таким образом, по мнению исследователей, первоначальное развитие информационной реальности как техногенной информационной реальности сегодня ведет к замещению объективной реальности «мнимой» виртуальной реальностью с одновременным отчуждением человека.

Изучая проблему отчуждения, исследователи (А. И. Арнольдov, А. К. Гостищев, Ю. Давыдов, Г. Дебор, Ю. А. Ляшенко, Н. А. Носов, В. В. Парцвания и др.) выделяют следующие его формы:

1) отчуждение человека от общества, результатом которого становится ослабление социальных связей и контактов;

2) отчуждение человека от самого себя посредством создания виртуальной личности;

3) духовное отчуждение, которое проявляется в отчуждении человека от культуры и от морали [10, с. 50–52].

В вопросе закономерностей развития проблемы отчуждения исследователи отстаивают различные точки зрения. Однако большинство сходятся в мысли о его деструктивном характере, ведущем к разрушению и исчезновению общества [11; 12; 13]. Мы же в данном случае можем отметить, что симулякры и симуляции изначально выступают в качестве идеализированных объектов, создание которых исторически свойственно метафизической исследовательской традиции, в частности, распространено в естествознании в методах моделирования. Симулякры и симуляции в этом случае оказываются в одном ряду с другими ранее созданными трансцендентальными объектами, такими как «идеальный газ», «идеально черное тело», «идеально упругое тело» и т. п. Традиция создания данных объектов; появившаяся в узких технических дисциплинах, нашла дальнейшее применение в других областях знания, отразилась во всех сферах общественной жизни (социальной, культурной, политической, экономической). Таким образом, феномен распространения в современном обществе «мнимых» ненаблюдаемых объектов; связанная с ними проблема отчуждения человека из социальной реальности в виртуальную реальность, а также само отождествление информационной реальности с виртуальной реальностью выступают как порожденные особенностями метафизики в качестве основной философской традиции развития современной западной цивилизации.

В настоящее время значительную роль в развитии информационной реальности исследователи также отводят средствам массовой информации. Именно они освещают происходящие в мире события и являются звеном в процессах социальных взаимодействий. Представляемая СМИ реальность становится для общества информационной реальностью. При этом получатель информации зачастую никак не может проверить ее подлинность, в то время как в современной журналистике значительную роль играют авторское видение возникшей ситуации, ангажированность, субъективность исследователей, заинтересованность спонсоров СМИ в определенном направлении развития событий и пр.

В современных условиях роста социальной и политической напряженности в мире СМИ являются мощным средством управления и манипуляции. В связи с

этим ряд ученых (Г. Вейман, Н. Л. Волконский, В. П. Емельянов, А. Исаков, А. Кота, А. Кулибаба, В. А. Кульба, А. А. Мухин, И. Н. Панарин, Г. Г. Почепцов, Е. Е. Рыбакова, У. Тафойа и др.) выделяет также явления «информационных войн» и «информационного терроризма».

У. Тафойа определяет информационный терроризм как «запугивание общества путем использования высоких технологий для достижения политических, религиозных или идеологических целей, а также действия, которые приводят к отключению или удалению критических для инфраструктуры объектов данных или информации» [14].

А. Кулибаба отмечает, что ничто так сильно не влияет на людей, общество и государство, как источники правдивой или ложной информации. В этих условиях информационный терроризм представляет собой предельно опасное асоциальное явление и самое коварное преступное деяние. Информационный терроризм безжалостно поражает три основные зоны:

- а) бытовую, когда поражение несет локализованный личностный характер;
- б) псевдонаучную, когда разрушаются объективно закономерные логические связи проверенных научных истин;
- в) социально-политическую, когда на национально-государственном и всемирном уровне обманывается все население человечества-социума-сообщества многочисленных народов-наций-цивилизаций [15].

В свою очередь информационные войны исследователи (А. А. Зиновьев, Г. Г. Почепцов, Н. А. Сигида, Н. М. Чуринов и др.) характеризуют как «психологические войны», «войны нового поколения», заменяющие горячие конфликты. Информационные войны выступают как направленные на изменение индивидуального и массового сознания (противника) через вбросы дезинформации либо через распространение выгодной для атакующей стороны информации. Целью, как правило, выступает давление на политическую элиту общества либо захват власти с полной сменой существующего политического режима.

Так, информационной войной исследователи признают «холодную войну» между СССР и США в 1946–1991 гг., оружием в которой выступила идеология [16, с. 166]. По мнению исследователей, информационные войны также во многом способствовали осуществлению «цветных революций» в Сербии (2001 г.), Грузии (2003 г.), Югославии (2000 г.), на Украине (2004, 2014 г.), в Ираке (2005 г.) и др. Кроме того, попытки проведения цветных революций были предприняты в Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), России (2011–2013 гг.). Эксперты также отмечают значительную интенсивность информационной пропаганды стран Запада и США во время последних горячих конфликтов в Ираке, Ливии, Сирии, Югославии, Грузии, Палестине, на Украине и др.

Таким образом, явления информационных войн и информационного терроризма представляют собой агрессивные технологии произвольного конструирования информационной реальности с целью получения желательных реакций общества и приведения фактической ситуации к произвольной, авторски сформулированной. Необходимо отметить, что в этом случае формирование информационной реальности приобретает характер директивы, а не простого описания непознаваемых объектов, как на начальном этапе развития техногенной информационной реальности (на заре появления информационных технологий) и раз-

вития журналистики. Виртуальная реальность СМИ в этом случае выступает как созданная в соответствии с древней метафизической исследовательской традицией реализма, основанной на дедуктивной логике. В этом случае исследователь (репортер, журналист) подобно софистам древности произвольно формирует выгодную в каких-либо целях (политических, экономических и др.) идеальную модель и для ее подтверждения подбирает необходимые факты либо произвольно их создает, искажая действительность. Виртуальная реальность как вариант реализации информационной реальности в этом случае может не иметь ничего общего с отражением реальных событий.

При исследовании представлений об информационной реальности, сформированных в соответствии со свойственными западному обществу принципами антропоцентризма, плюрализма, агностицизма, необходимо также затронуть идеалистические теории.

В ряде исследований авторы раскрывают природу информации в качестве божественной основы мироздания, за которыми прослеживается тенденция соответствующего понимания информационной реальности. К данным работам можно отнести исследования У. Л. Брэдли, К. Вейцеккера, Р. Генжа, М. Полани, Е. Порфирьева, Ч. Б. Тэкстона и др. Особое место в этом плане занимают также работы российских авторов И. И. Юзвизина и Э. В. Евреинова «Информациология» (1993г.) и «Основы информациологии» (2000г.), раскрывающие информацию в качестве основы всего материального мира.

Можно отметить, что данные теории во многом основаны на вере и представляют собой религиозное знание либо являются недостаточно проработанными и противоречивыми. В целом же перечисленные теории выступают как сформулированные в соответствии с метафизической традицией реализма, предполагающей первичность идеального начала (Творца, авторской идеи и т. п.) и вторичность материального. Теории в этом случае имеют характер теорий на доказательство первоначально сформулированной авторской позиции.

Идеалистические теории сегодня выступают как консервативные теории, в то же время являясь востребованными значительной частью современного общества, они так же, как и прочие взгляды на природу информационной реальности, определяют особенности развития современной западной цивилизации.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

1. Информационная реальность в числе прочих типов реальности (физической, биологической, социальной, техногенной и др.) была выделена одной из последних. По мнению исследователей, существует иерархия реальностей, в которых информационная реальность способна оказывать определяющее воздействие на развитие всех предыдущих типов реальностей, прежде всего на развитие социальной реальности как сферы существования человека и общества.

2. Исследование представлений о природе информационной реальности позволяет сделать вывод, что в современной науке существует плюрализм мнений, подобный плюрализму мнений на природу информации, что закономерно. В исследованиях информационной реальности наибольшую популярность получили исследования, признающие техногенный характер информационной реальности, основанной на вычислительной технике и технологиях; представления об информационной реальности как виртуальной реальности искусственных компью-

терных миров. В ряде исследований происходит осмысление информационной реальности как виртуальной реальности, создаваемой средствами массовой информации (СМИ). Менее представлены идеалистические концепции об информационной реальности как реальности, имеющей божественную природу, либо как реальности, выступающей в качестве первоосновы всего материального мира. В отечественной философии сегодня также представлена диалектическая теория информационной реальности (ей будет посвящено отдельное исследование).

3. Исследование основных направлений для понимания информационной реальности позволяет сделать вывод, что существующие концепции сформулированы в соответствии с основными метафизическими принципами (антропоцентризма, плюрализма, агностицизма и др.), свойственными современному западному обществу, в центре внимания которого исторически находятся права и свободы человека, стремление к технологическому совершенству. При этом сформулированные концепции выступают как продолжение метафизических исследовательских традиций реализма и номинализма.

4. Представленные концепции невозможно интерпретировать как «истинные» либо «ложные». Можно лишь констатировать, что это теории, востребованные западным типом общества, отвечающие принятым в науке стандартам. В то же время при развитии информационной реальности в соответствии с метафизикой были выявлены значительные отрицательные стороны, в числе которых манипулирование человеком и обществом, распространение симуляций и симулякров, смещение внимания человека на несущественные события и проблемы, ведение информационных войн, явления информационного терроризма и пр. В итоге происходит общее отчуждение человека в информационную виртуальную реальность из социальной реальности, прослеживается тенденция деградации человека и исчезновения западного общества, растет напряженность в мире.

Литература

1. Соколов А. В. Информатические опусы. Опус 3. Онтология информации. Типы реальностей и типы информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://elilib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=1&journal=ntb&num=11&year=2010> (дата обращения: 28.02.2016).
2. Тофлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. — 261 с.
3. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. — 3-е изд., доп. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. — 712 с.
4. Попкова Н. В. Философия техносферы. — М., 2008. — С. 20.
5. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. — М., 2000. — Вып. 7. — 488 с.
6. Грязнова Е. В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия // Философские науки. — 2005. — № 2. — С. 34–66.
7. Иванов Д. В. Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 96 с.
8. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft ukonomie, Politik und Kulturim Zeichen des Cyberspace. — Opladen, 1997.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. — URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 21.03.2016).
10. Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности // Вестник НГУ. Сер. Философия. — 2009. — Т. 7, вып. 3. — С. 50–52.

11. Арнольд А. И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления). — М.: Грааль, 1997. — 328 с.
12. Давыдов Ю. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. — М., 1996. — 365 с.
13. Дебор Г. Общество спектакля. — М.: Логос, 2000. — 182 с.
14. Tafoya W. L. Cyber Terror // FBI Law Enforcement Bulletin, 2011 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november-2011/cyber-terror> (дата обращения: 27.04.2014).
15. Кулибаба А. Н. Информационный терроризм [Электронный ресурс]. — URL: <http://maxpark.com/community/NOMP.rus/content/1924961> (дата обращения: 21.03.2016).
16. Сигида Н. А. Теоретическая война // Теория и история. — 2011. — № 2(20). — 227 с.

INFORMATIONAL REALITY AS A FACTOR OF WESTERN INDIVIDUALISTIC SOCIETY DEVELOPMENT

Dari Sh. Tsyrendorzhieva

DSc in Philosophy, Professor, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: dari145@mail.ru

Valentin V. Koryagin

Applicant, Department of Philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: koryagin.v.v@mail.ru

The article analyzes informational reality as a factor determining the development of modern society, which is called in a number of publications «western», «individualistic». We identify relations between the types of reality (physical, biological, technical, social, spiritual, informational), reveal the theoretical and methodological bases of the research. Dependence of social reality as a sphere of human and society existence on information reality as a sphere of information and informational processes has been revealed. We analyze the main trends in understanding of informational reality by modern science largely based on metaphysical principles (agnosticism, anthropocentrism, pluralism). The peculiarities of informational reality concepts which are inherent for modern Western society are revealed as well as their strengths and weaknesses, development laws. Thus, as a result of the research, we have identified their influence on development of the human and modern civilization.

Keywords: informational reality, social reality, virtual reality, individualistic society, metaphysical research tradition, realism, nominalism, information war, information terrorism, simulacra, simulations, human alienation, degradation of society, construction of information reality.

References

1. Sokolov A. V. *Informaticheskie opusy. Opus 3. Ontologiya informatsii. Tipy real'nostei i tipy informatsii. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka GPNTB Rossii* [Opuses in Informatics. Opus 3. Ontology of Information. Types of realities and Types of Information. Scientific Electronic Library of Russian National Public Library]. Available at: <http://elib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=1&journal=ntb&num=11&year=2010> (accessed February 28, 2016).

2. Toffler E. *The Third Wave*. Bantam Books, 1980.
3. Churinov N. M. *Sovershenstvo i svoboda* [Perfection and Freedom]. 3rd ed., rev. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2006. 712 p.
4. Popkova N. V. *Filosofiya tekhnosfery* [The Philosophy of Technosphere]. Moscow, 2008. P. 20.
5. Nosov N. A. Slovar' virtual'nykh terminov [Dictionary of Virtual Terms]. *Trudy laboratorii virtualistiki — Proceedings of Virtualistics Laboratory*. Moscow, 2000. V. 7. 488 p.
6. Gryaznova E. V. Virtual'naya real'nost': analiz smyslovykh elementov ponyatiya [Virtual Reality: An Analysis of the Concept Semantic Elements]. *Filosofskie nauki — Philosophical Sciences*. 2005. No. 2. Pp. 34-66.
7. Ivanov D. V. *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualization of Society]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000. 96 p.
8. Buhl A. *Die virtuelle Gesellschaft. Ökonomie, Politik und Kulturim im Zeichen des Cyberspace*. Opladen, 1997. (German)
9. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Michigan: University of Michigan Press, 1994.
10. Lyashenko Yu. A. Otchuzhdenie cheloveka v virtual'noi real'nosti [Human Alienation in Virtual Reality]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya — Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. Philosophy*. 2009. V. 7. Iss. 3. Pp. 50–52.
11. Arnol'dov A. I. *Tsivilizatsiya gryadushchego stoletiya (kul'turologicheskie razmyshleniya)* [Civilization of Coming Century (cultural reflections)]. Moscow: Graal' Publ., 1997. 328 p.
12. Davydov Yu. *Begstvo ot svobody. Filosofskoe mifotvorchestvo i literaturnyi avangard* [Escape from Freedom. Philosophical Mythmaking and Literary Avant-Garde]. Moscow, 1996. 365 p.
13. Debord G. *Society of the Spectacle*. Black & Red, 2000. 132 p.
14. Tafoya W. L. Cyber Terror. *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2011. Available at: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november-2011/cyber-terror> (accessed April 27, 2014).
15. Kulibaba A. N. *Informatsionnyi terrorizm* [Information Terrorism]. Available at: <http://maxpark.com/community/NOMP.rus/content/1924961> (accessed March 21, 2016).
16. Sigida N. A. *Teoreticheskaya voina. Teoriya i istoriya* [Theoretical War. Theory and History]. 2011. No. 2 (20). 227 p.